

УДК [94(420)«1485/1558»]

Д. В. Мазарчук

Институт подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси

**ПРИНЦИПЫ ИЛИ ПРИОРИТЕТЫ:
К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ПЕРВЫХ ТЮДОРОВ**

В статье поставлена проблема существования осмысленной рациональной стратегии внешнеполитической деятельности в Англии периода правления первых Тюдоров. В рамках подходов «новой дипломатической истории» автор рассмотрел факторы, оказывавшие влияние на курс внешней политики. Осуществлена попытка проследить связь между формирующимися характерными особенностями государства раннего Нового времени (на английском материале) и внешнеполитической активностью королей из династии Тюдоров. Последовательно рассмотрены влияние особенностей общественного строя Англии и роль субъективных факторов, в том числе связанных с ментальными особенностями и стереотипами. Дана оценка налогово-фискальной системы как канала связи между сувереном и народом. Отдельно рассмотрены вопросы, связанные с зарождением в Англии периода первых Тюдоров общественного мнения и значением последнего в осуществлении политического курса страны. Сделан вывод об отсутствии принципиальных (теоретических) оснований внешнеполитической активности Англии раннего Нового времени.

Ключевые слова: Тюдоры, Генрих VIII, внешняя политика, международные отношения, «новая дипломатическая история».

D. V. Mazarchuk

Graduate School of the National Academy of Sciences of Belarus

**PRINCIPLES OR PRIORITIES:
EARLY TUDOR'S FOREIGN POLICY FOUNDATIONS RECONSIDERED**

The article poses the problem of the existence of a meaningful rational strategy of foreign policy in England during the reign of the early Tudors. Within the framework of the approaches of the «new diplomatic history», the author considered the factors that influenced the course of foreign policy. An attempt was made to trace the connection between the emerging characteristics of the state of the early Modern period (on the English material) and the foreign policy activity of the kings of the Tudor dynasty. The influence of the peculiarities of the social structure of England and the role of subjective factors, including those associated with mental characteristics and stereotypes, are consistently considered. There's given an assessment of the fiscal system as a channel of communication between the sovereign and the people. Separately considered issues related to the origin of the period of the first Tudors of public opinion in England and the significance of the latter in the implementation of the state political course. It is concluded that there were none fundamental (theoretical) grounds for the foreign policy activity of England in the early Modern period.

Key words: Tudors, Henry VIII, foreign policy, international relations, “New diplomatic history”.

Введение. При изучении политической истории любого государства особый интерес и особую трудность представляют вопросы, связанные с такими «неизмеряемыми» факторами, как индивидуальное сознание, интенции и осознаваемые интересы активных субъектов политического действия. Между тем во многих случаях именно они являются ключевыми для понимания обусловленности и динамики изгибов политической линии в тот или иной исторический отрезок времени. По этой причине ответ на вопрос, чем руководствовались лица, определявшие политику государства, приобретает особую значимость. Действовали они под влиянием субъективных факторов либо же объективно

осознаваемых внешних условий? Если последнее верно, то насколько четко осознавались актуальные для страны задачи и выражались ли они в понятии «государственных интересов»?

Основная часть. При попытке ответить на вопрос, чем определялись решения, принятые относительно внешней политики Англии в период правления первых Тюдоров (до Елизаветы I), следует учитывать два важнейших обстоятельства.

Первое из них – особенности устройства общества конца XV – первой половины XVI в. Английский социум этого времени был организационно моноцентричным. Во главе его находился монарх (король), единолично осуществ-

влявший верховную власть при опоре на советников и зарождающийся аппарат. При этом следует учитывать качественное отличие монарха от всех прочих членов общества. В чем-то король сходен со священнослужителями, подобно им будучи более тесно связан с Богом.

Вероятно, убеждение в особой роли монарха имеет своим началом представления о сакральной природе княжеской власти у варварских народов. В Средние века в Западной Европе эти представления выражались в идее «ангелического характера» (*character angelicus*) короля. В Позднее Средневековье и раннее Новое время на ее основе сложилась концепция двух тел короля. По мнению Э. Канторовича, именно ко времени правления Тюдоров относится «первое ясное проявление того мистического языка, при помощи которого юристы английской короны выстраивали и оттачивали свои дефиниции власти и королевских прерогатив» [1, с. 74].

Насколько догматы политической теологии находили понимание в общественном сознании, можно проследить по практике принятия решений в вопросах внешней политики. Существует множество примеров того, как воля одного лица, монарха, находила выражение в радикальных и неоднозначных для будущего страны решениях. Особенно хорошо это наблюдается в правление Генриха VIII, яркий и волевой характер которого не раз отражался в изгибах английской политики.

Ставший королем в возрасте 17 лет, Генрих был воспитан на примерах боевой славы и воинских успехов Плантагенетов. С самого начала своего правления он выказывал воинственные намерения в отношении Франции (титул короля которой английские монархи носили с 1340 г.). Не случайно уже в первых дипломатических донесениях о новом правителе сообщалось, что Генрих – «враг Франции», он «покалялся немедленно после коронации вступить в войну с Францией», «является большим врагом французов», «может выступить против Франции» [2, с. 183, 213, 281, 311; 3, № 5, 7, 17]. Воспоминания о победах в Столетней войне бередили душу Генриха VIII, любимым героем которого был «его предок» Генрих V – победитель французов при Азенкуре, завоевавший значительную часть Северной Франции.

Результатом таких настроений стала война с Францией 1512–1514 гг., которая не принесла стране существенных выгод, но позволила монарху добыть для себя лично воинскую славу (впрочем, весьма относительную). Примечательно, что война началась несмотря на явный саботаж королевских советников, стремившихся сохранять с Францией мир [4, с. 26].

Другим примером неожиданного изменения курса является Великое дело короля (*Great Matter*) – попытка Генриха VIII развестись с Катериной Арагонской и заключить новый брак. Как известно, Великое дело привело не только к политическому, но и к догматическому разрыву с римской курией (существующему по сей день). Многолетний союз с Испанией прервался и английская внешняя политика более чем на десятилетие стала определяться необходимостью союза с Францией.

В период правления сына Генриха VIII принцип личной предрасположенности в политике находит еще одно яркое подтверждение. Последовательное правление при малолетнем короле Эдуарде VI герцогов Сомерсета и Нортумберленда обусловило резкие повороты во внешней политике страны. Так, при Сомерсете все ресурсы государства служили реализации курса на подчинение Шотландии и создание на ее территории английского Пэйла. После свержения лорда-протектора и прихода к власти Нортумберленда был взят курс на сближение с Францией, включая возможность династического брака.

Сменившая Эдуарда на троне Мария I, как известно, вернула английскую церковь в подчинение папы, отказавшись от королевской супрематии и ряда протестантских догматов. В целом правление королевы Марии демонстрирует пример попытки резкого разворота в ключевых вопросах устройства общества и внешнеполитического курса страны. В последнем случае это проявилось в возобновлении традиционного для Англии союза с Испанией (и династическом браке с Габсбургами) и началом новой войны с Францией.

В конечном итоге внешняя политика Марии потерпела крах и Англия утратила в 1558 г. последний оплот на континенте – Кале. Проявления «кризиса средних Тюдоров» (*mid-Tudor crisis*) показывают, насколько неустойчивой и непоследовательной могла быть внешняя политика Англии, обусловленная в правление Эдуарда VI и Марии I множеством факторов, включая личные предпочтения монарха и высших должностных лиц, а также зарождающееся общественное мнение (см. далее).

В свете этих и множества других примеров становится обоснованным вопрос, насколько воля одного лица могла повернуть ресурсы страны на достижение той или иной задачи в противовес интересам самих англичан? Для ответа на него прежде всего обратимся ко второму субъекту предложенной формулы взаимодействия – обществу. Несмотря на то, что для тюдоровской Англии рано говорить о существовании четко выраженного общественного

мнения, в интересующий нас период существовал действенный и формально разработанный канал связи между сувереном и его народом. Речь идет об английской системе налогообложения, которая включала два элемента: парламентский и непарламентский.

Следует учесть, что начиная с XIV в. фискальные полномочия Парламента постоянно возрастали. К началу XVI в. сложилась система строгого парламентского контроля за всеми средствами, поступающими в казначейство. При этом «основным направлением использования государственных финансов в Англии было ведение войн» [5, с. 55]. Соответственно, реализация прерогативы монарха в области внешней политики в значительной степени зависела от Парламента. Несмотря на попытки Генрихов VII и VIII увеличить долю неподконтрольных источников дохода, в конечном итоге финансовая самостоятельность Тюдоров была весьма ограниченной.

Практика сбора займов и беневоленций (доходов, вытекающих из королевской прерогативы) являет множество случаев саботажа или даже активного сопротивления (вплоть до вооруженного). Последнее в принципе являлось одной из черт периода правления первых Тюдоров [6, с. 399]. Характерным примером налога, вызвавшего мятеж, является Дружественный дар (Amicable Grant) 1525 г., введенный с целью финансирования войны на континенте. Столкнувшись с массовым сопротивлением со стороны местного дворянства и духовенства во многих графствах, а также с открытым вооруженным мятежом в графстве Суффолк, правительство было вынуждено этот «дар» отменить. Примечательно, что лидеры мятежа в городке Левенем были оправданы судом, а канцлер кардинал Уолси был вынужден публично признать свою неправоту [4, с. 135–139].

Таким образом, у подданных английского короля был легальный способ выражать свое недовольство действиями верховной власти. С учетом того, что вотируемые Парламентом налоги предназначались в первую очередь для финансирования внешнеполитических акций (в частности, оплату наемникам), степень зависимости внешней политики от настроений подданных была крайне высокой. Эта зависимость и частые созывы Парламента для вотирования налогов обусловили на протяжении первой половины XVI в. постепенное формирование того, что можно определить как общественное мнение.

Слабость преемников Генриха VIII – юного Эдуарда и женщины Марии – обусловила экспоненциальный рост в 1540–1550-х гг. неинституциональных проявлений гражданского

общества в форме неофициальных «советов» по актуальным вопросам внутренней и внешней политики. Поводом для оживления этого жанра были неудачи внешней политики, в особенности, в правление Марии I, поддерживаемый ею союз с Испанией и «испанский брак» королевы с Филиппом II Габсбургом. Своеобразным ответом на общественные обсуждения было издание с 1550-х гг. королевских прокламаций, разъяснявших подданным политику государства [7, с. 188; 8, с. 122–127].

Подобную общественную полемику следует считать характерным признаком современного государства и общества. Свободно выражаемое общественное мнение, в устной и в печатной формах, и фактический обмен мнениями между обществом и государством являются одним из проявлений гражданского общества. Хотя зарождение последнего в Англии, безусловно, вписывается в общую картину значительных общественных трансформаций, во многом оно было связано с субъективным фактором правления слабых монархов.

Вторым важным ограничивающим обстоятельством, которое следует учитывать при анализе влияний на внешнюю политику Англии, была обусловленность информации о своей стране и окружающем мире знаниями эпохи. Современный исследователь может судить о прошлом государства Тюдоров исходя из знакомства с основными событиями последующей истории Англии, Великобритании, Соединенного королевства. Между тем наши знания об английской морской мощи, колониальной экспансии, политике «блестящей изоляции» и т. д. не должны влиять на оценку внешней политики страны в период раннего Нового времени.

Современные подходы к изучению политической истории и истории внешней политики тюдоровской Англии предполагают, в числе прочего, отказ от телеологического объяснения поступков людей прошлого [9, с. 1–4]. Ни Генрих VIII, ни Елизавета I не имели представлений о будущей роли Англии (Великобритании) в геополитическом раскладе. Вопрос, насколько их деятельность обусловила последующую британскую «талассократию», к примеру, не имеет отношения к обусловленности их действий как таковых. Английские суверены этого периода, их советники, прелаты и все население страны не имели представления о том, по какому пути будет развиваться английское общество и государство в дальнейшем. Иными словами, не существовало никакой устойчивой долговременной стратегии внешнеполитической деятельности; последняя была обусловлена лишь тактическими факторами и субъективными обстоятельствами.

Единственными, стоявшими перед правящей государственной элитой объективными задачами были охрана границ, забота о наследовании трона, забота о неумалении власти суверена. По сути все эти задачи имеют традиционный характер, вытекающая из средневековых представлений о сеньориальной и патерналистской природе власти. Характерным проявлением таких представлений являются династические размены территориями, примеры которых можно найти в истории Западной Европы еще в XVIII и XIX вв.

Итак, первое, что побуждало названных монархов действовать в публичном поле тем или иным образом, – это конкретные проблемы. Политика всегда представляет собой ответ на определенный вызов. Это касается в том числе и внешней политики. Соответственно, объективные причины всегда являются основным стимулом для любых политических действий. Задачи, стоявшие перед акторами внешней политики (лицами, осуществлявшими внешнюю политику государства), возникали под воздействием разных причин и были разнообразными по природе. Отсюда ситуативность и то, что в историографии нередко отмечается как крайнее непостоянство внешней политики Тюдоров, прежде всего Генриха VIII.

Вторая группа факторов, определявших внешнюю политику монархов-Тюдоров, это некоторые стереотипы или же субъективные склонности и интенции. Сюда можно отнести представления о чести или религиозные предпочтения, о которых частично упоминалось выше. Безусловно, это и семейные связи (включая династические союзы с другими правящими домами). Как нетрудно заметить, названные факторы обычно попадают в разряд «средневековых». Однако ничего устаревшего или реакционного в их перечне нет. Монархи-Тюдоры действовали как живые люди, обуреваемые страстями, хотя и осознающими свое отличие от простого народа и свою ответственность перед ним.

«Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки» [10, с. 365], писал Н. Макиавелли в своем знаменитом трактате. Почтение или честь были неотъемлемым элементом не только личной репутации ренессансного правителя, но и характеристики возглавляемой им страны. Более того, иногда представления о чести и персональное соперничество между королями оказывали решающее воздействие на внешнюю политику Английского королевства.

Как показал С. Ганн, понятие персональной чести играло значительную роль в англо-французских взаимоотношениях в правление

Генриха VIII [11]. Ярким примером является грандиозный «спектакль» на Поле Золотой парчи под Гином (май 1520 г.). Франциск I и Генрих VIII буквально соревновались в демонстрации роскоши и даже устроили между собой борцовский поединок, поражение в котором не признал ни один из молодых королей. Эта встреча обошлась английской казне больше, чем какой-либо другой праздник в долгое царствование Генриха VIII [12, с. 64].

Вопрос непоследовательности внешнеполитической линии в правление королей-Тюдоров был по-новому осмыслен Сьюзен Доран, которая постулировала, что «дисконтинуитеты ... являются центральной характеристикой внешней политики, следствием самой природы принятия политических решений» [9, с. 4]. В свете этого, «чехарду» союзов в 30-е гг. XVI в. и две последние войны Генриха VIII с Францией (1522 г., 1544–1546 гг.), вызванные союзническими обязательствами, а не прозрачным континентальным наследством Плантагенетов, следует оценивать с позиции геополитической ситуации в Западной Европе. Балансирование между двумя «великими державами» своего времени (империей Габсбургов и Францией) в условиях ведущейся между ними борьбы за раздел сфер влияния являлось единственно верной стратегией для небольшого островного королевства. Таким образом, оппортунизм внешнеполитической линии можно назвать гибкостью, которая являла собой осознанно избранную стратегию.

Итак, отсутствие представлений о постоянных интересах внешней политики Англии в рассматриваемый период не являлось недостатком, а вытекало из бытовавших представлений об устройстве общества, месте в нем монарха и его ответственности перед высшими силами.

Анализ внешнеполитической активности первых Тюдоров позволяет вывести ряд долговременных трендов внешней политики Англии. Например, если говорить о 37 годах правления Генриха VIII, то можно выделить лишь две четко сформулированные политические линии, которые не были обусловлены сиюминутной международной конъюнктурой. Первая – идея всеобщего мира (средневековая по своему генезису). Сугубо фантастичная при практической реализации, эта идея могла послужить прежде всего возвеличиванию предложившего ее монарха, идеологическим средством повышения престижа правителя небольшой периферийной страны. Вторая линия – стремление к разводу и разрешению на повторный брак короля. Нетрудно заметить, что она также имела субъективный характер и была связана с персональными интересами суверена, а не с представлениями об общей пользе английской нации.

Заключение. Таким образом, можно говорить об отсутствии принципиальных (теоретических) оснований внешнеполитической активности Англии раннего Нового времени. Скорее можно вести речь не о принципах, на которые опирались акторы внешней политики, а о приори-

ритетах, которыми они руководствовались в тех или иных обстоятельствах. Выбор политического курса страны зависел от множества факторов, среди которых не последнее место занимали личностные предпочтения или субъективные обстоятельства.

Список литературы

1. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 752 с.
2. Sanuto M. I Diarii. Per cura di N. Barozzi. Venezia: a spese degli ed., 1882. Vol. 8. 688 p.
3. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547 / ed. by J. S. Brewer. 2nd ed. L.: R. H. Brodie, 1920. Vol. 1. 1509–1514. 1557 p.
4. Scarisbrick J. J. Henry VIII. Los Angeles: University of California Press, 1968. 561 p.
5. Царева Ю. И. Финансовая политика Тюдоров (1485–1603). М.: Московский педагогический государственный университет, 2017. 291 с.
6. Bush M. Tax Reform and Rebellion in Early Tudor England // *History*. 1991. Vol. 248. P. 379–400.
7. Potter D. Britain and the Wider World // *Companion to Tudor Britain* / ed. by R. Tittler, N. Jones. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2004. P. 182–200.
8. Potter D. Mid-Tudor Foreign Policy and Diplomacy: 1547–1563 // *Tudor England and Its Neighbours* / ed. by S. Doran, G. Richardson. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 106–138.
9. Doran S. *England and Europe in Sixteenth Century*. L.: Macmillan Press, 1999. 145 p.
10. Макиавелли Н. Государь // *Избранные сочинения*. 1982. С. 301–378.
11. Gunn S. J. The French Wars of Henry VIII // *Origins of War in Early Modern Europe* / ed. by J. Black. Edinburgh: John Donald, 1987. P. 28–51.
12. Loades D. *Henry VIII*. Stroud: Amberley Publishing, 2011. 448 p.

References

1. Kantorovich E. Kh. *Dva tela korolya. Issledovaniye po srednevekovoy politicheskoy teologii* [Two King's Bodies. Study in Medieval Political Theology]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara Publ., 2014. 752 p.
2. Sanuto M. I Diarii. Per cura di N. Barozzi. Venezia, a spese degli ed., 1882, vol. 8. 688 p.
3. *Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547* / ed. by J. S. Brewer. 2nd ed. L.: R. H. Brodie, 1920, vol. 1. 1509–1514. 1557 p.
4. Scarisbrick J. J. *Henry VIII*. Los Angeles, University of California Press, Publ., 1968. 561 p.
5. Tsarova Yu. I. *Finansovaya politika Tudorov (1485–1603)* [Financial Policy of the Tudors (1485–1603)]. Moscow, Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2017. 291 p.
6. Bush M. Tax Reform and Rebellion in Early Tudor England. *History*, 1991, no. 248, pp. 379–400.
7. Potter D. Britain and the Wider World. *Companion to Tudor Britain* / ed. by R. Tittler, N. Jones. Malden, MA: Blackwell Publ., 2004, pp. 182–200.
8. Potter D. Mid-Tudor Foreign Policy and Diplomacy: 1547–1563. *Tudor England and Its Neighbours* / ed. by S. Doran, G. Richardson. N. Y., Palgrave Macmillan Publ., 2005, pp. 106–138.
9. Doran S. *England and Europe in Sixteenth Century*. L., Macmillan Press, Publ., 1999. 145 p.
10. Makiavelli N. Prince. *Izbrannyye sochineniya* [Selected works], 1982, pp. 301–378 (In Russian).
11. Gunn S. J. The French Wars of Henry VIII. *Origins of War in Early Modern Europe* / ed. by J. Black. Edinburgh: John Donald, 1987, pp. 28–51.
12. Loades D. *Henry VIII*. Stroud, Amberley Publ., 2011. 448 p.

Информация об авторе

Мазарчук Дмитрий Валерьевич – проректор по научной и методической работе. ГУО «Институт подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси» (220049, г. Минск, ул. Кнорина, 1, Республика Беларусь). E-mail: bande_nere@mail.ru

Information about the author

Mazarchuk Dmitry Valerievich – Vice-rector. Graduate School of the National Academy of Sciences of Belarus (1, Knorina str., 220049, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bande_nere@mail.ru

Поступила 10.09.2020